

ГЛАВА 1

Делла выражает свое мнение

Делла Уэтерби легко взбежала по внушительным ступеням дома на Коммонуэлс-авеню, принадлежавшего ее сестре, и энергично нажала на кнопку электрического звонка. От украшавших маленькую шляпку перьев и до носков изящных туфель на низком каблуке вся ее фигура словно излучала здоровье, бодрость, решительность. Даже в самом ее голосе, когда она поздоровалась с открывшей дверь горничной, звучала неподдельная радость жизни.

— Доброе утро, Мэри. Сестра дома?

— Д-да, мэм, миссис Кэрю дома, — нерешительно произнесла горничная. — Но... она распорядилась никого к ней не впускать.

— Вот как? Да только я-то ведь не «никто», — улыбнулась мисс Уэтерби. — Так что меня она примет. Не бойся — всю вину возьму на себя, — добавила она в ответ на испуганный взгляд горничной. — Где она? В своей комнате?

— Да, мэм, но... она сказала...

Однако мисс Уэтерби уже поднималась по широкой лестнице. Горничная отвернулась и, бросив через плечо последний, полный отчаяния взгляд, ушла.

Тем временем, поднявшись на второй этаж, Делла решительным шагом подошла к полуоткрытой двери и постучала.

— Мэри, — отозвался страдальческий голос, в котором явно слышалось: «Ах, ну что там еще?» — Разве я не... Ах, Делла! — И голос неожиданно смягчился, в нем зазвучали радость и удивление. — Дорогая, как ты здесь очутилась?

— Ну конечно, это я, — весело улыбнулась Делла, которая уже была посередине комнаты, на полпути к креслу сестры. — Я проводила воскресенье на побережье вместе с двумя другими сестрами милосердия, а теперь возвращаюсь в санаторий на работу. Так что, хоть я и здесь, это ненадолго. Я зашла, чтобы... вот, — закончила она, сердечно целуя обладательницу страдальческого голоса.

Миссис Кэрю нахмурилась и несколько холодно отстранилась. Едва заметные радость и оживление, появившиеся за минуту до этого на ее лице, исчезли, уступив место явно ставшим уже привычными угрюмости и недовольству.

— Ну разумеется! Мне следовало бы уже запомнить, — сказала она, — что ты никогда не задерживаешься... здесь.

— Здесь! — Делла с веселым смехом воздела руки, но затем неожиданно взглянула на сестру по-другому — серьезно и нежно. — Рут, дорогая, я не смогла бы — попросту не смогла бы жить в этом доме... И ты это хорошо знаешь, — добавила она мягко.

Миссис Кэрю раздраженно передвинулась в своем кресле.

— Право, не понимаю почему.

Делла покачала головой:

— Прекрасно понимаешь, дорогая. Ты же знаешь, как мне не по душе все это: уныние, отрешенность, упрямое желание страдать и вечно испытывать горечь.

— Но я действительно страдаю и испытываю горечь.

— Напрасно.

— Почему? Разве есть в моей жизни хоть что-нибудь, что может заставить меня испытывать иные чувства?

Делла нетерпеливо и с досадой махнула рукой.

— Послушай, Рут, — начала она. — Тебе тридцать три года. Ты совершенно здорова — или, точнее, *была бы* совершенно здорова, если бы вела себя так, как должна вести, — и свободного времени у тебя полно и денег избыток. И без сомнения, всякий скажет тебе, что ты вполне можешь найти занятие получше, чем сидеть сложа руки и хандрить в этом похожем на склеп доме, никого к себе не впуская.

— Но я *не хочу* никого видеть.

— На твоём месте я *заставила бы* себя этого захотеть.

Миссис Кэрю утомленно вздохнула и отвернулась:

— Делла, неужели ты не можешь понять? Мы с тобой разные. Я не в силах... забыть.

На лице Деллы промелькнула тень страдания.

— Я полагаю, ты говоришь о Джейми. Нет, дорогая, и я не забыла. И не могла бы забыть. Но вечная печаль и тоска не помогут нам... найти его.

— Как будто я не искала его все эти долгих восемь лет — и отнюдь не с помощью печали и тоски! — негодуяще воскликнула миссис Кэрю, подавляя рыдание.

— Конечно, конечно, дорогая, ты искала его, — поспешила успокоить ее сестра, — и мы будем продолжать поиски вдвоем, пока не найдем его... или до самой смерти. Но то, что ты делаешь сейчас, не приносит никому никакой пользы.

— Но ничего другого мне делать не хочется, — пробормотала Рут уныло.

На минуту в комнате воцарилось молчание. Делла озабоченно и с досадой смотрела на сестру.

— Рут, — сказала она наконец, чуть раздраженно, — прости меня за этот вопрос, но неужели же ты собираешься вести такую жизнь до конца своих дней? Да-да, я знаю, ты вдова, но замужем ты была всего лишь год, а твой муж был намного старше тебя. Ты была тогда совсем юной, и тот один короткий год должен бы казаться тебе теперь не более чем сном. И, разумеется, один-единственный год не должен испортить тебе всю оставшуюся жизнь!

— Ах нет, дело не в том, — пробормотала миссис Кэрю все так же уныло.

— Тогда неужели ты собираешься всегда оставаться *такой*?

— Вот если бы я могла найти Джейми...

— Да-да, я знаю, но... Рут, дорогая, разве никто и ничто на свете, кроме Джейми, не может сделать тебя хоть сколько-нибудь счастливой?

— Похоже, что нет, — вздохнула миссис Кэрю с равнодушным видом.

— Рут! — почти с гневом вскричала сестра, но тут же рассмеялась. — Ох, Рут, Рут, как я хотела бы дать тебе хорошую дозу Поллианны! Пожалуй, никто другой не нуждается в ней больше, чем ты!

Миссис Кэрю бросила на сестру несколько высокомерный взгляд.

— Не имею ни малейшего понятия о том, что это за «поллианна», но в любом случае — знай, что я в ней совершенно не нуждаюсь, — заявила она, в свою очередь рассердившись. — И не забывай, пожалуйста, что здесь не твой любимый санаторий, а я не пациентка, чтобы ты могла мною командовать и пичкать меня всякими лекарствами!

В глазах Деллы зажглись веселые огоньки, но на губах не появилось и тени улыбки.

— Нет, дорогая, Поллианна не лекарство, — сказала она серьезно, — хотя некоторые и утверждают, что она действует как укрепляющее средство. Поллианна — это девочка.

— Ребенок? Ну откуда же мне было знать? — возразила сестра, все еще обиженно. — Ведь есть у вас «белладонна», так почему же не может быть еще и «поллианны»? К тому же ты часто советуешь мне принять то или иное лекарство, и в этот раз я ясно слышала, что ты произнесла слово «доза», а так всегда говорят о лекарствах.

— Что же, Поллианна и в самом деле своего рода лекарство, — улыбнулась Делла. — Во всяком случае, все врачи в нашем санатории в один голос уверяют, что она помогает пациентам лучше любого укрепляющего средства, какое только можно прописать. Это девочка, лет двенадцати-тринадцати. Она провела в нашем

санатории все прошлое лето и большую часть зимы. Мое знакомство с ней длилось не более одного-двух месяцев, так как я поступила на работу в санаторий незадолго до того, как ее выписали и она вернулась домой. Но и за этот короткий срок она успела меня совершенно очаровать. Да и весь наш санаторий до сих пор не устает говорить о Поллианне и играть в ее игру.

— В ее игру?

— Да, — кивнула Делла с загадочной улыбкой. — Она называется «игрой в радость». Мне не забыть того дня, когда я впервые узнала об этой игре. Одна из назначенных Поллианне процедур, проводившихся по вторникам, была очень неприятной и даже болезненной. И обязанность проводить эту процедуру была возложена на меня. Предчувствия у меня были самые тяжелые, так как по опыту работы с другими детьми я знала, чего можно ожидать: капризов и слез, если не худшего. Но, к моему безграничному удивлению, Поллианна встретила меня улыбкой, сказала, что очень рада мне, и — поверишь ли? — даже ни разу не вскрикнула во время всей процедуры, хотя я знала, что причиняю ей жестокую боль. Вероятно, я невольно выдала свое удивление какой-то фразой, так как она очень серьезно принялась объяснять мне, в чем причина ее поведения: «О да, мне было очень, очень больно... Знаете, раньше я так боялась вторников из-за этой процедуры! А потом мне пришло в голову, что это то же самое, что и дни стирки у Ненси, — и значит, больше всего я должна радоваться именно во вторник, потому что до следующего вторника еще целая неделя!»

— Ну и ну! Очень странно! — Миссис Кэрю сдвинула брови, не совсем понимая, о чем идет речь. — Не вижу тут никакой игры.

— Я тоже не сразу поняла, где здесь игра. Это стало ясно, лишь когда Поллианна рассказала мне о себе. Ее мать умерла, и девочка жила со своим отцом, бедным священником, в одном из западных штатов. Воспитанием ее занималось дамское благотворительное общество, а все вещи она получала из церковных пожертвований. Когда Поллианна была еще совсем крошкой, ей очень хотелось иметь куклу. Бедняжка надеялась, что в очередной посылке с пожертвованиями для бедных будет кукла, но там не оказалось

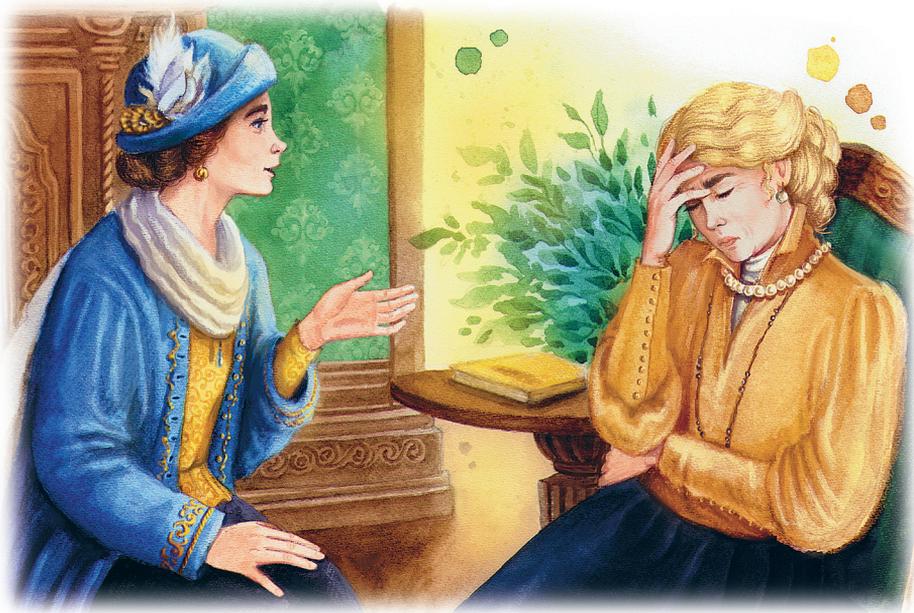
ничего из детских вещей, кроме пары маленьких костылей. Разумеется, узнав об этом, девочка расплакалась, и тогда отец научил ее «игре в радость». Игра заключается в том, чтобы во всем, что с нами происходит, находить что-то такое, чему можно радоваться. Отец сказал, что начать играть можно сразу, — обрадоваться тому, что эти костыли ей *не нужны*. С этого все и началось. Поллианна говорит, что игра просто замечательная и что она всегда играет в нее с тех самых пор, а чем труднее найти повод для радости, тем интереснее, только иногда это невероятно трудно.

— Очень странно! — пробормотала миссис Кэрю, все еще не до конца понимая, в чем тут дело.

— И ты удивилась бы еще больше, если бы увидела, к каким результатам привело всеобщее увлечение этой игрой в нашем санатории, — заметила Делла, — а доктор Эймс говорил мне, что эта девочка произвела настоящую революцию в том городке, откуда приехала в санаторий. Доктор Эймс близко знаком с доктором Чилтоном, который около года назад женился на тетке Поллианны. Между прочим, этот брак стал возможен именно благодаря девочке. Она помогла влюбленным уладить старую ссору... Когда два или три года назад умер отец девочки, ее отправили на Восток, к тетке. В октябре Поллианна попала под автомобиль, и казалось, что она уже никогда не сможет ходить. В апреле доктор Чилтон привез ее в наш санаторий, где она пробыла до прошлого марта — то есть почти год — и уехала домой совершенно здоровой. Если бы ты только видела ее! Было лишь одно облачко, омрачавшее ее радость, — она жалела, что нельзя пройти весь путь до дома пешком. Говорят, весь городок вышел встречать ее с духовым оркестром и флагами... Но нет — о Поллианне невозможно рассказать, ее нужно видеть! Вот почему я сказала, что хотела бы прописать тебе «дозу» Поллианны. Это принесло бы тебе огромную пользу.

Миссис Кэрю чуть заметно вскинула голову.

— Должна сказать, что расхожусь с тобой во мнении, — ответила она холодно. — Я не нуждаюсь ни в какой «революции», и в моем прошлом нет любовных ссор, которые требовалось бы уладить, а уж если что-то и было бы для меня совершенно невыносимым, так это надутый ребенок с постной физиономией, толку-

ющий мне с важным видом, за что именно должна я благодарить судьбу. Я не выдержала бы...

Но ее прервал звонкий смех.

— Ох, Рут, Рут! — еле смогла выговорить развеселившаяся Делла. — «Надутый ребенок»! Это Поллианна-то? Если бы ты только видела ее! Но так я и знала: о Поллианне невозможно рассказать, ее нужно видеть. А тебе, конечно же, не хочется ее увидеть. Но... Поллианна — «надутый ребенок» — как бы не так! — И она опять разразилась смехом, однако почти сразу же вслед за этим стала серьезной и устремила на сестру прежний озабоченный взгляд. — Послушай, дорогая, неужели ничего нельзя сделать? — взмолилась она. — Ты не имеешь права губить свою жизнь! Может быть, тебе нужно почаще встречаться с людьми, выходить из дома...

— Зачем, если мне не хочется? Я устала от людей. Ты же знаешь, общество всегда наводило на меня скуку.

— Тогда почему не попробовать заняться делом? Благотворительностью, например.

У миссис Кэрю вырвался жест нетерпения.

— Делла, дорогая, мы уже не раз обо всем этом говорили. Я даю деньги — и немалые; с меня этого хватит. Боюсь даже, что даю слишком много. Я против того, чтобы превращать людей в нищих побирушек.

— Но, может быть, ты могла бы дать не только денег, но иточку... себя самой? — решила мягко заметить Делла. — Если бы ты заинтересовалась чем-либо помимо своей собственной жизни, это очень помогло бы тебе и...

— Делла, — решительно прервала ее миссис Кэрю, — я очень люблю тебя и очень радуюсь всякий раз, когда ты приезжаешь ко мне, но проповедей и нравоучений терпеть не могу. Возможно, это очень хорошо для *тебя* — превратиться в ангела милосердия и подавать страждущим стаканы с холодной водой или бинтовать разбитые головы и все такое прочее. Возможно, благодаря этому *ты* можешь забыть о Джейми. Но я не смогла бы. Я стала бы думать о нем еще чаще: кто подаст воды или забинтует голову нашему бедному мальчику?.. К тому же все это в целом было бы очень неприятно — сталкиваться со всякими такими людьми...

— А ты хоть раз пробовала?

— Я? Нет, конечно нет! — В голосе миссис Кэрю звучали презрение и возмущение.

— Тогда как же ты можешь об этом говорить, если не пробовала? — И молодая сестра милосердия встала, утомленная этим бесплодным разговором. — Мне пора, дорогая. Мы с девушками договорились встретиться на Южном вокзале. Наш поезд отправляется в двенадцать тридцать. Надеюсь, ты на меня не сердишься, — заключила она, целуя сестру на прощание.

— Нет, Делла, я не сержусь, — вздохнула миссис Кэрю, — но если бы ты только могла меня понять!

Минуту спустя, пройдя через безмолвные мрачные залы, Делла вновь оказалась на улице. Походка, выражение лица, весь ее вид — ничто не напоминало ту Деллу, которая легко взбежала по этим же ступеням всего лишь полчаса назад. Бодрость, энергия, жизнерадостность — все куда-то исчезло.

Она прошла полквартала, безвольно переставляя ноги, затем вдруг запрокинула голову и глубоко вздохнула.

«Одна неделя в этом доме — и я умерла бы, — подумала она с содроганием. — Не верю, чтобы даже самой Поллианне удалось бы рассеять этот мрак! И обрадоваться она могла бы лишь тому, что ей не придется здесь жить».

Впрочем, как быстро выяснилось, это открыто заявленное неверие в способность Поллианны преобразить дом миссис Кэрю не отражало настоящего мнения Деллы, ибо лишь только она добралась до санатория, как узнала нечто такое, что заставило ее на следующий же день снова преодолеть отделявшие ее от Бостона пятьдесят миль.

В доме сестры все было точно так же, как и накануне. Казалось, что миссис Кэрю даже не двинулась с места с тех самых пор, как Делла покинула ее.

— Рут! — выпалила Делла, едва ответив на удивленное приветствие сестры. — Я просто не могла не приехать! И на этот раз ты должна уступить мне и сделать все так, как я хочу. Слушай! Ты можешь заполучить Поллианну! Если захочешь, разумеется.

— Но я не хочу, — холодно и равнодушно возразила миссис Кэрю.

Казалось, Делла не слышала этих слов. Она взволнованно продолжала:

— Когда я вчера вернулась в санаторий, мне сказали, что доктор Эймс получил письмо от доктора Чилтона, того самого, за которого вышла замуж тетя Поллианны. Так вот, доктор Чилтон пишет, что на зиму едет в Германию, где собирается пройти какой-то специальный курс учебы. Он намерен взять с собой жену, если только ему удастся убедить ее, что Поллианну можно на время поместить в какой-нибудь пансион, где ей будет хорошо. Однако до сих пор миссис Чилтон все еще не соглашается оставить Поллианну в подобном заведении, так что, возможно, доктору Чилтону все же придется ехать в Германию одному. Рут, у нас есть шанс! Я хочу, чтобы ты взяла Поллианну к себе на эту зиму. Она сможет ходить в какую-нибудь из здешних школ.

— Делла, что за нелепая идея! Зачем мне взваливать на себя такую обузу, как ребенок?

— Она не будет обузой. Ей почти тринадцать, и второй такой умненькой девочки не найти.

— Я не люблю «умненьких» детей, — возразила миссис Кэрю все так же упрямо, но при этом засмеялась.

Этот смех придал смелости сестре, и та удвоила свои усилия. Возможно, из-за самой неожиданности и необычности прозвучавшей просьбы, а возможно, оттого, что история Поллианны тронула сердце Рут Кэрю, или, быть может, причина заключалась просто в нежелании обидеть сестру отказом — так или иначе, когда полчаса спустя Делла просталась с сестрой, та уже выразила согласие взять Поллианну в свой дом.

— Но только запомни, — предупредила Деллу миссис Кэрю, — что в ту самую минуту, когда этот ребенок начнет читать мне нравочения или перечислять выпавшие на мою долю блага, я отошлю его к тебе, и делай тогда что хочешь... Я такого ребенка у себя не оставлю!

— Хорошо. Но я уверена, что этого не произойдет, — ответила сестра, а про себя, уже выходя из дома, добавила: «Половина дела сделана. Остается добиться, чтобы Поллианна приехала сюда. Она обязательно должна приехать. Я напишу им такое письмо, что они не смогут отказать».

ГЛАВА 2

Старые знакомые

В тот августовский день миссис Чилтон решила отложить разговор с мужем о письме, полученном с утренней почтой, до тех пор пока Поллианна не ляжет спать. Впрочем, ждать ей пришлось бы в любом случае, так как множество посетителей в приемной и две поездки к больным, чьи дома находились за пределами Белдингсвилла, совсем не оставили доктору Чилтону времени для разговоров о семейных делах.

Лишь в половине десятого доктор наконец появился в комнате жены. Лицо его просияло, но тут же в глазах появилось вопрошительное выражение.

— Полли, дорогая, что случилось?! — воскликнул он обеспокоенно.

Жена невесело рассмеялась:

— Это из-за письма... хотя я никак не предполагала, что ты догадешься о моих чувствах, едва взглянув мне в лицо.

— Тогда постарайся, чтобы на нем не было такого выражения, по которому легко обо всем догадаться, — улыбнулся он в ответ. — Так в чем же дело?

Миссис Чилтон на мгновение заколебалась, поджала губы, а затем взяла лежавшее рядом письмо.

— Я прочитаю его тебе, — сказала она. — Это от мисс Деллы Уэтерби. Она работает в санатории доктора Эймса.

— Хорошо. Начинай, — кивнул доктор и с наслаждением растянулся на кушетке, стоявшей рядом с креслом жены.

Но прежде чем начать, миссис Чилтон поднялась, чтобы заботливо укрыть мужа серым шерстяным пледом. Со дня их свадьбы прошел год. Теперь Полли Чилтон было сорок два. Порой казалось, что она пытается за первый же год их супружеской жизни удовлетворить всю ту потребность исполненной любви служения другому человеку, какая накопилась в ее душе за предшествующие двадцать лет одиночества и сердечной пустоты. Доктор же, которому ко времени их свадьбы исполнилось сорок пять и у которого в прошлом не было ничего иного, кроме такой же пустоты и одиночества, был совсем не против, чтобы с ним так «нянчились». Если судить по его поведению, все это было ему вполне по душе, хотя он и старался не слишком обнаруживать свои чувства, поскольку миссис Полли в прошлом так долго была мисс Полли, что теперь просто пугалась собственной «глупой» заботливости, если эту заботливость встречали очень уж горячей благодарностью. Поэтому доктор ограничился тем, что нежно погладил руку жены, когда, расправив складки на пледе, она села и снова взяла со столика письмо.

«Дорогая миссис Чилтон, — писала Делла. — Шесть раз я начинала это письмо и шесть раз рвала его, так что теперь решила вообще не „начинать“, а сразу сказать, что мне от Вас нужно. Мне нужна Поллианна. Могу я получить ее? Я познакомилась с Вами и Вашим мужем в марте, когда Вы приезжали, чтобы забрать Поллианну домой из нашего санатория, но полагаю, Вы меня не помните. Я попросила доктора Эймса (который очень хорошо знает меня) написать Вашему мужу и поддержать мою просьбу с тем, чтобы Вы могли без всяких опасений доверить нам на время Вашу милую маленькую племянницу.

Я знаю, что Вы с удовольствием поехали бы в Германию вместе с Вашим мужем, если бы не необходимость оставить Поллианну одну. Поэтому я беру на себя смелость просить Вас доверить ее нам на время Вашего отсутствия. Я умоляю Вас об этом, дорогая миссис Чилтон. А теперь позвольте мне объяснить, чем вызвана такая просьба. Моя сестра, миссис Кэрю, — одинокая, вечно недовольная и подавленная, несчастная женщина, живущая в своем собственном мрачном мире, куда не проникает ни один луч солнца. Я уверена, что если и есть кто-либо, кто способен принести свет и радость в ее жизнь, так это только Ваша племянница. Не позволите ли Вы ей попробовать? Жаль, что я не могу рассказать Вам о тех чудесах, которые она совершила здесь, в санатории. Но о Поллианне говорить невозможно: начнешь рассказывать и чувствуешь, какой она кажется самодовольной, вечно морализирующей и... попросту невыносимой. Но мы с Вами знаем, что она совсем не такая. Нужно лишь вывести ее на сцену, и она все скажет сама за себя. Короче, я хочу взять ее в дом моей сестры... и предоставить ей такую возможность. Разумеется, она будет посещать школу, но я уверена, ей хватит времени и на то, чтобы залечить раны в сердце моей несчастной сестры. Даже не знаю, как закончить это письмо. Закончить, пожалуй, еще труднее, чем начать. Боюсь, мне и не хочется кончать. Я хотела бы говорить и говорить — из опасения, что, если я замолчу, у Вас появится возможность сказать „нет“. А потому, если Вы намерены произнести это ужасное слово, пожалуйста, считайте, что я все еще говорю и объясняю, как нужна нам Поллианна.

*С надеждой,
Делла Уэтерби»*

— Ну и ну! — воскликнула миссис Чилтон, откладывая письмо. — Тебе доводилось когда-нибудь читать более странное послание или слышать о более нелепой просьбе?

— Мне не кажется таким уж нелепым желание пригласить к себе Поллианну, — улыбнулся доктор.

— Но — как это она выразилась? — «залечить раны в сердце моей сестры» и так далее. Можно подумать, что Поллианна — что-то вроде лекарства!

Доктор, приподняв брови, засмеялся:

— Быть может, так оно и есть, Полли. Я всегда жалел, что не могу прописывать ее моим пациентам и покупать в аптеке, как коробочку пилюль. И Чарли Эймс говорит, что в тот год, когда она была в их санатории, они стремились обеспечить каждому новому пациенту сразу по прибытии «дозу Поллианны».

— «Дозу»? Вот еще! — возмутилась миссис Чилтон.

— Значит, ты не отпустишь ее?

— Отпущу? Конечно нет! Неужели ты думаешь, что я соглашусь, чтобы ребенок отправился к людям, которых мы совсем не знаем? И каким людям! Да ко времени нашего возвращения из Германии эта сестра милосердия успеет посадить Поллианну в бутылку, а на этикетке будут указания, как ее принимать!

Доктор от души рассмеялся, но тут же лицо его снова стало серьезным, и он вынул из кармана какой-то конверт.

— Я тоже получил сегодня утром письмо. От Чарли Эймса, — сказал он с необычной ноткой в голосе, которая заставила озадаченную миссис Чилтон слегка нахмуриться. — Если позволишь, я сейчас прочитаю его тебе.

«Дорогой Том, — писал доктор Эймс, — мисс Делла Уэтерби попросила меня „дать рекомендацию“ ей и ее сестре, что я и делаю с большим удовольствием. Я знаю их с детства. Они из прекрасной, старинной семьи, истинные леди, в полном смысле слова. В этом отношении ты можешь быть совершенно спокоен.

Сестер было три — Дорис, Рут и Делла. Дорис, старшая, вышла замуж за некоего Джона Кента, во многом против воли своих родственников. Кент происходил из хорошей семьи, но был, как я полагаю, не совсем в себе, и из-за его чудаковатости с ним, несомненно, было неприятно иметь дело. Его очень раздражало отношение к нему родственников жены, и поэтому

обе стороны избегали общения, пока не появился ребенок. Родители и сестры Дорис обожали маленького Джеймса — „Джейми“, как они его называли. Дорис, мать мальчика, умерла, когда ему было четыре года, и ее семья делала все возможное, чтобы убедить Джона Кента отдать им ребенка.

Однако Кент неожиданно исчез вместе с сыном, и с тех пор о нем не было никаких известий, хотя Уэтерби искали его чуть ли не по всему свету.

Эта утрата буквально убила стариков — мистер и миссис Уэтерби вскоре умерли. Рут к тому времени уже успела выйти замуж и овдоветь. Ее муж, мистер Кэрю, был очень богатым человеком, но намного старше нее. Через год после их свадьбы он скончался, оставив жену с крошкой-сыном, который также умер, не прожив и года.

С тех пор как исчез маленький Джейми, у Рут и Деллы была, похоже, единственная цель в жизни — отыскать его. Они тратили бешеные деньги, делали все возможное и невозможное, но безрезультатно. Тем временем Делла стала медицинской сестрой. Она замечательно справляется с работой и превратилась в бодрую, решительную, здравомыслящую женщину, какой и хотела быть, хотя по-прежнему не забывает о пропавшем племяннике и никогда не оставляет без внимания ни единой догадки, которая могла бы навести на его след.

С миссис Кэрю дело, однако, обстоит совсем по-другому. После утраты собственного ребенка она перенесла всю свою материнскую любовь и заботу на сына сестры. И как нетрудно догадаться, почти обезумела от горя после его исчезновения. Все это произошло восемь лет назад; для нее это были восемь долгих лет страдания, горечи, уныния. Конечно, в ее распоряжении все, что только могут дать деньги, но ничто не радует ее, ничто не интересует. Делла считает, что нельзя больше медлить — необходимо вывести ее из этого состояния. По мнению Деллы, милая и веселая племянница твоей жены обладает тем волшебным ключом, который мог бы